А.П.Богданов

СОФИЯ – ПРЕМУДРОСТЬ БОЖИЯ И ЦАРЕВНА СОФЬЯ АЛЕКСЕЕВНА
Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века

В XVII столетие Россия вступала опаленной в огне Смутного времени, разоренной страной - а завершила его могучей и процветающей мировой державой. Духовный подъем, в начале века вышвырнувший из Кремля интервентов и их приспешников, проявлялся в самых различных областях общественной жизни. Городские восстания и мощные крестьянско-казацкие движения "Бунташного века" сочетались с развитием сельского хозяйства, промышленности и торговли, освоением Дикого поля, Сибири и Дальнего Востока. Россия была охвачена каменным строительством, дивной красоты здания соответствовали духовным поискам писателей, проповедников, художников и музыкантов. Укрепление самодержавного православного государства и официальной церкви проходило на фоне роста самосознания верующих подданных в бурных спорах, расколе, вооруженных столкновениях. Внуки забитых холопов времен Великого разорения Ивана Грозного чувствовали силы "разсуждати себе"; на плодородную почву пали слова духовного мыслителя и просветителя Сильвестра Медведева, что "власть, неправду, глаголющую, отнюдь слушати не подобает!"

Несмотря на "разномыслие" и часто кровавые разногласия, на всеобщую тягу к новизне, на широкие контакты с иными странами и верами, общество оставалось единым в своей культурной основе. Литература и искусство, издавна занимавшие видное место в русской общественной жизни, охватывали все социальные слои и приобретали все большее значение, но оставались главным образом духовными. Не случайно многие десятилетия атеистической непримиримости XX столетия не принесли видимых успехов в понимании процессов развития общественной мысли и культуры России XVII

века. Отвергая духовную сторону этих процессов, что можно было сказать о самосознании народа или о смысле слов монаха-писателя? Долго оставалось непонятым даже столь очевидное явление, как расцвет эстетики барокко, не говоря уже о более тонких предметах.

Главным эстетическим принципом барокко была образность, зримость предмета, изображаемого словом, резцом или кистью. Детали образа имели глубокий смысл и тесно переплетались, создавая продуманную логическую композицию, "читавшуюся" на нескольких уровнях. Писатели и художники адресовали образ интеллектуальному, духовному "граду царства небесного", сознательно "сограждаемому" в человеке-микрокосме и отличающему его от животных. Среди всех чудес неба и земли именно человек духовный, "по телу - земен, по душе - небесный", есть величайшее чудо, создаваемое воспитанием и обучением. "Словесноумный" человек, как писал цитированный свойственник Медведева, выдающийся русский поэт и просветитель Карион Истомин, есть не просто "венец природы" (это нелепое словосочетание появилось на Руси гораздо позже) - он есть звено, соединяющее небо и землю, материальное и духовное: "Вещь Боготворна в нем зренно сомкнеся"[1]

Строить такой "град" интеллекта было нелегко. Его созиданию способствовало традиционное воспитание в доме и храме, школы грамотности (которая стремительно росла на Руси во второй половине XVII века), деятельность ученых просветителей, не только беззаветно и безуспешно боровшихся за создание в Москве Академии, но и учивших детей и взрослых в своих гимназиях и своими книгами[2]. Разумеется, истинно "словесноумные" люди того времени могли общаться между собой особо сложным образным языком, уклоняясь от недопонимания профанов, а иногда и от реальной

1 Подробнее см.: Богданов А.П. Карион Истомин и Ян Амос Коменский (К проблеме освоения творческого наследия "учителя народов" в России XVII века) // Acta Coneniana 8 (XXXII) 1989. С. 127-147; он же. Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. "Отреченные" книги. Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 260-279; и др.

2 Богданов А.П.: Известия Кариона Истомина о книжном читании // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1986 г. Л., 1987; он же. К полемике конца 60-х - начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // Исследования по источниковедению истории СССР XIII-XVIII вв. М., 1988; он же. Борьба за развитие просвещения в России во второй половине XVII в. // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989; и др.

опасности быть понятыми своими врагами[3].

Именно так обращался в "Дому Солнечному", царевне Софье Алексеевне ученице Симеона Полоцкого, другой ученик замечательного мыслителя и духовного писателя, Сильвестр Медведев, настоятель Заиконоспасского монастыря, когда в 1682 г. царь Федор Алексеевич, едва успев утвердить принципы создания московской Академии, умер (или был убит), столица охвачена народным восстанием, бояре, дворяне и приказные люди, спасшиеся от убиения, разбегались, патриарх Иоаким с освященным собором ждал расправы от толп, примкнувших к староверам, устои государства грозили рухнуть, Россия могла погрузиться в кровавую пучину новой гражданской войны[4].

Из всей царской фамилии лишь царевна Софья Алексеевна, старшая сестра 16-летнего Ивана и 10-летнего Петра, смогла активно выступить в защиту трона и порядка. Она пошла на большие уступки восставшим стрельцам, солдатам и горожанам, восстановила относительное спокойствие в городе; объединив усилия с князьями В.В.Голицыным, Одоевскими и другими крупнейшими государственными деятелями, "мужеумная" царевна готовила решительное укрепление государственной власти и "утишение" восстания. Летом 1682 г., когда от царевны Софьи Алексеевны требовались исключительные усилия, чтобы удержать в руках опаснейшую ситуацию, Сильвестр Медведев решил поддержать дух своей соученицы.

Писатель поднес царевне красиво оформленный список его знаменитой поэмы на смерть царя Федора Алексеевича[5], вплетя в него особое слово, обращенное лично к Софье Алексеевне[6]. Высший

3 Богданов А.П. Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988.

4 Легенды о "заговоре Софьи", "Хованщине" и прочих попытках верхов использовать народное восстание в борьбе за власть не выдерживают критики. См.: Буганов В.И. Московские восстания конца XVII в. М., 1969; Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники, 1980 г. М., 1981; он же. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Там же. 1984 г. М., 1984.

5 Полный текст поэмы "Плач и утешение двадесятьма двема виршами" опубликован: Древняя Российская Вивлиофика. М., 1790. Ч. XIV. С. 95-111.

6 Исследование и публикацию этого памятника см.: Богданов А.П. Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: похвальная рацея царевне Софье // Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции.

смысл существования состоит в поиске совершенства - утверждает автор в зачине, подразумевая, что Софья и есть совершенство. В этом она превзошла бессмертную славу Александра Великого, который не удовлетворяясь благополучием власти над "широким кругом земным" упорно стремился на поиски "*солнечного дома*"- обители богов. Это - легенда, говорит Сильвестр царевне, но "аз дерзаю рещи во истинну, яко делом самем в ресноту и во правду Ваше пресветлое величество есть *дом солнечный, жилище солнца истиннаго Христа Господа*, не на земли пристрастия всеменнаго, но на лучах того ж самого солнца содержащыйся, на востоце благих дел, никогда же запада греховнаго ведущом, утвержденный!"

Советским литературным критикам, упорно видевшим в номинативных (именных) ассоциациях стиля барокко "украшения, имеющие чисто орнаментальное значение", было трудно понять удовольствие, подобное тому, что доставил Медведев Софье, переходя от совершенства царевны к славе искавшего совершенство Александра, чья мечта не "баснословием витийским", а "Богом истинным" воплощена в Софье -"солнечном доме", жилище Христа. В этих словах ученица Симеона Полоцкого видела множество взаимосвязанных ассоциаций, ведущих к представлению о Софии-Премудрости: ведь канон ее (от новгородской редакции, где Софья отождествлялась с Христом, до киевской, где Софией выступал образ Богородицы)[7] опирался на текст Притч Соломоновых (9, 1) "*Премудрость созда себе дом*".

Однако Сильвестр Медведев, как вскоре узнала Софья Алексеевна, строго соблюдал внешнюю форму "слова", следуя всем правилам схоластической риторики, чтобы тем более поразить читателя оригинальным ходом мысли[8]. Переходя от экзордиума к нарративной

Филология. Новосибирск, 1979; он же. Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982 г. Л., 1984.

7 О современных Сильвестру редакциях иконографического канона Софии-Премудрости и его толкованиях см.: Филимонов Г. София Премудрость Божия // Вестник общества Древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1874. № 1; Лебединцев П. София Премудрость Божия в иконографии севера и юга России // Киевская старина. 1888. № 12; и др. Сравни с рукописными толкованиями: РНБ, Погодина 1558; ГИМ, Синодальное 272, 466, 559, 792, 908; РГБ, Музейное 578, Беляевское 55; и др.

8 Правила сложения проповедного "слова" ("казаня") излагались и закреплялись в книгах, хорошо известных Медведеву и Софье: Галятовский И. Ключ разумения. Киев, 1659 (и др.издания); Баранович Л. Меч духовный. Киев,

части, писатель начинает с буквального толкования темы, замечая, что "дом солнечный" создан "не просто, но рукою премудраго вышняго архитектона, о нем же на земли глаголаша: "Не сей ли есть Исус сын тектонов?"- Здесь автор услужливо ссылается на текст Евангелия от Луки (**4**, 22), где, как с детства известно было Софье Алексеевне, рассказана грустная притча о неприятии пророка в отечестве его.

Напомнив этим, что и "солнечный дом" имеет порог, писатель использует, наконец, напрашивавшееся толкование имени Софьи (*Премудрость*). Дом создан "*премудро*", следовательно, к нему можно отнести равно тексты Притч (**9**, 1) и Бытия (**28**, 17: "несть се, но дом Божий"). Развивать ассоциации, связанные у читательницы с текстом Соломона, было легче, но Медведев не случайно уклонился в воспоминание о том месте, которое Иаков (согласно Бытию) назвал "*домом Божиим*": именно там "Божия премудрость" предрекала Иакову *власть* "над всеми племенами земными".

Непосвященному читателю могло показаться, что Сильвестр попросту витийствует, описывая красоты "дома" и даже стройматериалы ("яко кедр вознесохся в Ливане" и проч.), ради красного словца цитируя Иисуса Сираха. Но Софья-то знала, о чем идет речь в главе Сираха, о которой Медведев напоминал отрывком цитаты и ссылкой на полях. "*Премудрость прославит себя и среди народа своего будет восхвалена*",- говорилось в Писании. Премудрость долго искала достойнейшего, пока не поселилась в избранном Богом Иакове и не приняла с ним "наследие в Израиле". "*И укрепилась я в прославленном народе, в наследственном уделе Господа*,- писал Сирах от лица Премудрости.- Я возвысилась как кедр в Ливане" и проч. (Сир **24**, 13-15). В контексте рассуждения Медведева слова Премудрости относятся к царевне Софье: именно у нее создал себе дом Христос Божия Сила и Премудрость. Разве не очевидно, что именно царевна является тем богоизбранным лицом, которое по Библейскому примеру имеет преимущественное право на власть перед земными правителями?!

Между тем, Сильвестр переходит к изучению морального смысла отождествления царевны с "солнечным домом". Софья Алексеевна может быть уподоблена обители Бога благодаря своим душев-

1666; он же. Трубы словес проповедных. Киев, 1674; Радивиловский А. Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676. и др. Немало поработал в этом жанре и Симеон Полоцкий, два сборника проповедей которого Сильвестр самолично подготовил к печати и издал в придворной Верхней типографии. См.: Обед душевный. М., 1681; Вечеря душевная. М., 1683.

ным качествам, по Евангелию: "Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдает, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим" (Ин **14**, 23). Риторическим вопросом "что же творит в дому том Бог?" Медведев подводит читателя к новой группе ассоциаций.

Разумеется, Бог у царевны "совет совещает; не яко тии, иже по пророку: помыслише совети, их же не возмогоша составити..." Автор имеет в виду пророка Исайю[9], но на полях отсылает читательницу к 20-му псалму, в котором сколько-нибудь близкого текста нет ни в Септуагинте, которой руководствовался Сильвестр, ни к масоретской библии. Софья Алексеевна знала, конечно, что в указанном ей весьма популярном псалме русской Библии ("Силою твоею веселится царь") говорится: "*Рука твоя найдет всех врагов твоих, десница твоя найдет ненавидящих тебя!*" (Пс **20**, 9). То есть "совет" Софьи Алексеевны победителен, Бог дает ей своим советом "вся, иже угодна", а замыслы врагов царевны будут по меньшей мере безуспешны.

О достижении Софьей Алексеевной всего, ей угодного, Медведев пишет со ссылкой (в тексте и на полях) на 3-ю главу книги Товии, в коей вместо этого читаем о Божией помощи Сарре, характеризующей себя так: "*Я единородная у отца моего, и нет у него сына, который бы мог наследовать ему...*" (Тов **3**, 15). У отца Софьи, царя Алексея Михайловича, оставалось тогда в живых множество детей, среди них два сына: малолетний Петр, возведенный на престол боярами-заговорщиками 27 апреля 1682 г., и 16-летний Иван, посаженный на царство по требованию возмущенного народа в мае, когда "изменники-бояре и думные люди" были частично изничтожены, частично насмерть перепуганы восставшими. Медведев имел в виду, что оба они неспособны к правлению, наследовать которое достойна царская дочь, а не заговорщики, ибо она отмечена свыше. "Аз Премудрость вселих",- завершает автор свой не высказанный на словах пассаж известной цитатой из Притч, не забыв упомянуть на полях 9-ю главу ("*Премудрость созда себе дом*").

В соответствии с правилами риторики моральное толкование темы конкретизирует положения буквального толкования: поставленный в первой части наррации вопрос о власти решается в пользу Софьи Алексеевны уже с учетом политической борьбы, в которой царевна имеет решительный перевес над противником благодаря

9 "Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!" (Ис **8**, 10; сравни Ис **7**, 7).

дарованной свыше мудрости (и праву Премудрости). Какие-то неприятели уже потерпели поражение (и о них говорится в прошедшем времени), но враг еще существует, победа Софьи Алексеевны, за которую ратует Сильвестр Медведев, еще впереди. Не случайно прекрасно понимавший соотношение сил придворный поэт Карион Истомин (также носивший монашеский клобук) в мае адресовал две редакции своей "Книги, желательно приветство мудрости" царю Петру (за спиной которого скрывались враги царевны), а в стихах на венчание Ивана и Петра на царство 25 июня 1682 г. о Софье Алексеевне не упомянул![10]

Желая оказать Софье помощь советом, Медведев утверждал в следующей фразе своего сочинения, что совет с Богом будет благополучен при условии "совета мирного между двема"- то есть, согласно указанному тексту Захарии, между *царством* и *священством* (Зах 6 13). Тогда, читаем мы продолжение с формальной стороны не очень уместного здесь текста ("Во мире бо место Господне..."), "...*гнев человеческий обратится во славу тебе: остаток гнева ты укротишь*" (Пс 75, 11). Иначе говоря, Сильвестр советует примириться со злейшим врагом Софьи, инициатором и вдохновителем направленного против ее клана (Милославских) про-Нарышкинского переворота 27 апреля патриархом Иоакимом (Савеловым), ради стратегической цели "укрощения" и в конечном итоге обращения на пользу себе гнева московского народа.

И действительно, когда в июле 1682 г. по столице бурно расплеснулся бунт староверов, а патриарх и освященный собор прискорбнейшим образом утратили всякий авторитет в народе (раздраженном участием духовных лиц в дворцовых интригах), именно царевна Софья смело, умно и энергично вмешалась в ход событий. О том, как она не только предотвратила истребление "священства", но и уничтожила вождей старообрядцев руками восставших стрельцов, красноречиво рассказал впоследствии сам Медведев в историко-публицистической книге[11]. Характерно, что эту заслугу Софьи Алексеевны оценили даже сторонники патриарха Иоакима, называв-

10 Тексты см.: Богданов А.П. Памятники общественно-политической мысли в Росии конца XVII в. Литературные панегирики. М., 1983. Ч.1-2. № 1, 2, 5 (и комментарии к ним).

11 Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева "Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве // ЧОИДР, 1894. Кн. 4. Отд.2. С. 76-92. Ср. новую публикацию: Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. / Сост., автор вступ. ст., коммент. и указ. А.П.Богданов. М., 1990. С.45-200.

шие царевну "Новой Деворой", "иже спасла церковь"[12].

Далее Медведев остановился на вопросе, что есть для его адресата "добрый совет". Начав с цитаты из Притч, что исходящий от человека "Добрый совет сохранит тя" (**2**, 1), писатель подчеркнул большую надежность совета от Бога, который "не воздремлет и не уснет храняй Израиля" (или, точнее, "сохранит тя от всякого зла".- Ср. Пс **120**, 4 и 7). Софье необходим не многочисленный совет, рекомендуемый Соломоном (Притч **11**, 14), но Божья помощь: "...благослови Бога и испроси от него, да пути твоя управит, и *вся совети твоя* в нем да пребывают" (Тов **4**, 18-19). Эта мысль еще раз подчеркивается примером Иудифи (Иудифь **9**, 10), а возможность смертному иметь подобное божественное разумение подтверждается текстом апостола Петра (I Пет **1**, 16), привлеченного, правда, с большой натяжкой.

Посвящая половину рассуждения о качествах разума и совета рекомендациям Софье Алексеевне принимать решения самостоятельно, без совета с боярами, Медведев правильно представлял себе реальную политическую ситуацию. Нетрудно заметить, что хотя царевна и имела энергичных союзников в лице В.В.Голицына, Одоевских и некоторых других придворных, значительную часть постов в правительстве занимали люди, которых она впоследствии постаралась из администрации удалить[13]. Надо прямо сказать, что "верхи" были деморализованы страхом, тогда как девица-царевна проявляла похвальное мужество и хладнокровие.

Доказывая Софье Алексеевне необходимость полагаться лишь на собственный разум, Медведев утверждал, что в этом царевну поддерживают "*и все управляемые ныне мудрым твоим советом*" (со ссылкой на Иудифь **10**, 8). Эта поддержка объясняется тем, что раз "Бог в сем солнечном дому Вашего пресветлого величества пребывает всегда, то и вся благая с ним в сердци твоем слагаются".

Толкование темы *совета* помещено после рассуждения о премудрости не произвольно, но в соответствии с составом "добродетелей" (даров Святого Духа), приписанных Софии-Премудрости иконографическим каноном[14]. Наличие "*семи столпов*" дома Премуд-

12 Карион Истомин. "Книга, желательно приветство мудрости" (четвертая редакция.- *А.Б.*) // ИОРЯС, 1909. Кн.1. С. 8; Осип Титов. Посвящение к лицевому списку книги "Звезда пресветлая" (БАН, П.I.А.58. Л. 6 и др.); [Богдановский И.] Дары Духа Святаго. (РГАДА, Церк.печать, 2927).

13 См.: Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII в. М.-Л., 1946; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975.

14 См. толкования: РГБ, Музейное 578; РНБ, собр. ОИДР 208; и др.

рости служит доказательством правильности аналогии София-Софья и атрибуции царевне казуса получения преимущественного права на власть Богом вдохновенным лицом.

Состав "семи" толковался с разночтениями[15], поскольку в исходном тексте (Исайя) отсутствует четкая формулировка, но лишь в пределах терминологии для обозначения определенных качеств. Обращаясь к Софье в 1682 г. Медведев был более традиционен, чем в приписываемом ему более позднем сочинении[16], и как другие авторы его времени вслед за даром Премудрости поместил Разум и Совет[17]. Но если иные авторы, как увидим далее, наделяли царевну дарами Святого Духа для проведения аналогии между Софьей Алексеевной и Софией-Премудростию Божией, то Сильвестр использует то же средство для доказательства *посещения* правительницы Премудростью, создавая оригинальную и сильную концепцию.

Следующая добродетель (*Крепость* или *Мужество*) не могла не стимулировать риторический талант Медведева. Говорить об этом даре применительно к девушке на Руси было сложно в силу традиционного представления о девической недееспособности[18], а царевна к тому же являлась "зазорным лицом", не имевшим права показываться на людях. Словом, перед Сильвестром встала задача, достойная этого смелого мыслителя и остроумного полемиста: не покривив душой, он должен был прояснить отношение девицы царского дома к дару Крепости, не противореча традиции, но к вящщей славе Софьи Алексеевны[19]!

15 См. прориси икон в статье Г.Филимонова, изображения и подписи на портретах царевны Софьи Алексеевны (Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов. СПб., 1895. Т. II. Стлб. 987; он же. Материалы для русской иконографии. СПб., 1884. Вып. I. № 2; еще три современных портрета царевны находятся в экспозициях Русского и Государственного исторического музеев) и др.

16 В подписях к портрету Софьи Алексеевны гравера Тарасевича (см.: Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. СПб., 1895. Т. II. Стлб. 987).

17 [Богдановский И.] Дары Духа Святаго. Чернигов, 1688; Карион Киевский. Панегирис или похвала / Браиловский С.Н. К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя "Карион" // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. 1909. Кн. I. С. 37-58.

18 Тем более сильного, что русские мужи испокон веков подсознательно ужасались женскому хитроумию: Демин А.С. Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С.47-51.

19 Удивительно, что эту смелую и справедливую оценку Софьи упустила из виду Линдси Хьюз, автор большой и красивой книги в оправдание и похвалу

Аллегорическую часть наррации Медведев открыл притчей о неискусном зодчем, создавшем себе "храмину" без окон: обнаружив, что в доме темно, чудак взял мех, стал ловить им солнечные лучи и носить их в дом. Так бы и сидел он в горестном недоумении, если бы не получил от прохожего совет иссечь в стенах окна. Этот поворот темы "дома" дал Сильвестру основание для гневной тирады против самодовольных безумцев, разъясняющей его позицию в предшествующем толковании Совета: "Суть и ныне домы, не имущыя окон добродетельных, в ня же обыкоша мехами вноситися светлости различные. Но всуе труждаются, ибо никогда сии света дом свой исполняют, никогда рачением пристрастей мирских удоволяются, *мняще себе свет быти - тьма суть*!"[20]

В противоположность им Софью Алексеевну "достойно и праведно нарещи *домом солнечным*, светлости истиннаго солнца Бога наполненным", в который не мехами носят свет, не пытаются разогнать мрак суетой пребывающих во тьме душ: в него как в созданный Всевышним храм "окнами входит свет-благодать Божия". Именно дар *Благодати*, вопреки традиции помещенный Медведевым перед *Крепостью* (а не после нее), наполняет Софью светом и позволяет автору далее аналогически описать роль правительницы в государстве. Но прежде надо было решить вопрос с *Крепостью*.

Толковать это качество впрямую было бы смешно. Но что такое вообще крепость? "Окна обычне от сткла сотворены бывают,- пишет Сильвестр,- добра ко видению есть вещь сткло, добрейшая же кристалль"; если бы их крепость соответствовала красоте, стеклянные и хрустальные сосуды были бы дороже серебряных и золотых. Между тем, стекло делают из пепла, а хрусталь, как рассказывает Плиний Старший (кн. 37, гл. 22), возникает на высочайших горах из снега и льда (что подтверждает и князь Людовик Мантуанский). Хрусталь - символ победоносного терпения. А такая "худая вещь", как пепел, превращается в прекрасное стекло огнем.

В Софье Алексеевне - энергично развивает мысль Сильвестр - огонь любви Божией из пепла нижайшего смир[illegible]я творит пресветлое стекло. Хотя сосуд (автор не мог избежать этой не очень

царевне: Hugies, Lindcy. Sophia regiency of Russia: 1657-1704. New Heven-London, 1990.

20 Сия тирада соответствует живописной характеристике неразумных правителей в историко-публицистической книге Медведева о событиях 1681-1683 гг. ("Егда убо царский сигклит между собою в селах и о достоинствах каких или о корыстях бранятся..." и проч. (Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева "Созерцание"... С. 38-40).

приятной ассоциации) из стекла и выглядит непрочным - "но светле соделанный в чести людстей бывает". Софья же является сосудом не из светлого просто - а из пресветлого стекла, происходящего из самого царского дома: "В чести еси дщи царска не токмо у человек, но и у самаго Бога" (по Давиду, Пс **44**).

Итак, найдено нечто лучшее крепости - найдено в "глубине премудрости Божией"- остается заполнить драгоценный "*сосуд*" соответствующими "*дарами*": "зде положенна *вера* твердая, *любовь* к Богу и ближнему теплая, *надежда* непоколебимая, *разум* аггельский, *благость* неизреченная, *смирение* глубокое, *богомыслие* выспр(ь) возносящееся... и вся известно добродетели..." Среди них - дары политические, таланты государственные, обнаруженные Медведевым в царевне, которые та должна была реализовать: "*правление царствия полезное, промышление общых добр неленостное*!"

Благоразумно не останавливаясь более на понятии "сосуд", Медведев описывает закаленное огнем Божией любви *стекло девственного смирения* как драгоценный материал, из которого созданы окна душевного дома царевны Софьи. Так аллегория *окна*, введенная притчей о доме без окон, появляется в тексте уже в противоположном смысле. В доме Софьи Алексеевны не счесть драгоценных окон: добродетелей, вводящих в него "премногии лучи милости Божии".

"*Милостыня*"- лучшая из этих добродетелей, красноречиво витийствует Сильвестр, доказывая, что она неотразимо действует на всех без исключения (что царевна прекрасно усвоила, сделав щедрость эффективным рычагом своей политики). Среди цитат и реминисценций из Правоучения Златоуста на послание к евреям (**32**) и Писания (Лк **6**, 21; Пс **67**, 14; Ис **60**, 8) Софья Алексеевна не могла не обратить внимания на уподобление милостыни *царице*, делающей людей подобными Богу.

А Медведев между тем уже живописал милостыню в образе прекрасного *голубя*. "О! - восклицает довольный автор, сводя воедино линии ассоциаций,- Аще такова есть по Златоглаголиваго словесем милостыня, во истинну исполнь светлости Дом душевный Вашего пресветлого величества от сего единаго окна, прилично рещи, есть то *Дом солнечный*". Создав яркие образы дома, драгоценные окна которого испускают свет добродетелей, и летящей птицы, которая "пернатая есть и легкая, криле имать златые, летание имуши вельми веселящее аггели", Сильвестр Медведев на высокой ноте переходит к построению основной аналогии, венчающей литературное здание.

В конклюзии сочинения Сильвестра каждое слово наполнено

глубоким смыслом, как "внешним", так и скрытым от непосвященных, причем эти смысловые линии хитроумно переплетаются. Тема "дома" и "голубя" объединена составной цитатой: "Пишет боговидный Исаия о некоем доме, от уст Господних глаголя: Дом молитвы моея прославится, неции же яко облацы пловут и яко голуби со птенци своими" (на поле ссылка: "Глава 60").

Начало цитаты ("Дом молитвы моея прославится") указывает на основное содержание цитируемого текста, в котором предрекается слава Иерусалима ("всего царствующего града[21]", как уточнял выше Медведев). Софья Алексеевна должна была помнить этот знаменитый текст: "Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их - служить тебе... И поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими - правду. *Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения - в пределах твоих*" (Ис 60).

Продолжение же цитаты ("неции же яко облаци пловут и яко голуби со птенци своими"- Ис 60, 8) развивается Медведевым с помощью Вульгаты: "По Иеронимову же переводу чтется: Яко голуби *ко окнам* своим". "*Окна*" есть не что иное, как "окна щедрот Вашего пресветлого величества солнечного дому", к которым обращены надежды всех россиян. Софья Алексеевна, таким образом, выступает общепризнанной спасительницей, залогом славы и спокойствия "всего царствующего града Москвы".

Понятно, что если окна царевниных добродетелей столь ярки и привлекательны, они должны приковать взор *орла*, который по легенде особенно любит смотреть на солнце. Потому "високопарящий Орел преславныя державы Российская... ко сему солнечному дому, Вашему пресветлому величеству, обращает свои очи и неситне лучами Премудрости и разума твоего насыщается".

Казалось бы, роль и положение царевны Софьи Алексеевны в государстве прорисованы достаточно ясно, но эстетические запросы литератора требовали, чтобы заключительная аналогия была детализирована, как картинка - часто именно картинка[22] и сопровождала подобный текст! Медведев не мог не создать наглядный образ места царевны в структуре государственной власти.

Автор припомнил историю о царе Эпира Пирре, стремительностью и победоносностью заслужившего прозвание "Орел". Сам Пирр

21 Хотя Новым Израилем правильно было называть христианство в целом (или хотя бы православие), аллегорию традиционно относили к России; соответственно Новым Иерусалимом считалась Москва.

22 Именуемая, подобно текстовому заключению, конклюзией.

адресовал сию похвалу воинам, говоря, что благодаря им стяжал славу и орлиное имя: "Ваши оружия аки криле в толикую мя честь возносят!" Подобным образом Орел Российского царства имеет две главы - царей Ивана и Петра Алексеевичей, "возносится" же крыльями добродетелей женской половины царственного дома (цариц и царевен), среди которой царевна Софья Алексеевна играет выдающуюся, исключительную роль светоча, сосредоточившего на себе орлиный взгляд, источника Богом данной мудрости и рассмотрения.

Итак, вот картина Божественной премудростью устроенной власти, обещающей спасение и процветание охваченному смутой государству:

"*Сугубоглавнаго Великаго государства Российскаго Орла суть две главы - пресветлые государи наши цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белыя России самодержци, их же Бог в Троици славимый трема венча венцами*[23]. *Криле же сего - суть благоверные государине царицы, благородные государине царевны, иже возносят его славою добродетелей в поднебесную. Но очеса своя Орел тот Российский безпрестанне на солнечный дом, аки на самое по свойству своему солнце, на Ваше пресветлое величество обращает и светлостию Богом данныя ти мудрости и разсмотрения увеселяет свое сердце.*

О сем Дому всем сподоблшимся превеличайших благодатий Вашего пресветлого величества мощно со Царствующим пророком вопити: Исполнихомся во благих дому твоего!"

Усложненное содержание сочинения Сильвестра Медведева, использовавшего очевидное толкование имени царевны Софьи лишь в качестве исходного пункта для создания разветвленной системы духовного обоснования власти правительницы, определялось конкретно-политической ситуацией и личными пристрастиями литератора. Ведь Медведев выступил на стороне царевны в то время, когда ее положение в структуре государственной власти было далеко не ясным и отнюдь не общепризнанным.

❧

23 Автор, видимо, не случайно упоминает о том, что на российском гербовом орле было три короны: две над орлиными головами и еще одна между ними (венцы Великой, Малой и Белой России). Центральная корона сама "просилась" для правительницы.

Вернемся к упоминавшимся сочинениям придворного поэта Кариона Истомина, отлично разбиравшегося в дворцовой конъюнктуре, и посмотрим, как оценивали царевну сторонние наблюдатели. После дворцового переворота 27 апреля 1682 г. Истомин обращается к новому царю Петру с просьбой о реализации утвержденного царем Федором проекта Академии. Разумеется, "Книга, желательно приветство мудрости" была оформлена в виде большого панегирика, где юный царь получает похвалы и наставления от Господа, Богородицы и своей известной властолюбием матери - царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной.

Придворный поэт не преминул достойно похвалить царицу, но не успел еще дописать книгу, как под давлением восставших москвичей на престол был наречен еще один царь - Иван Алексеевич. Истомин переработал текст, изменил формулировки, касающиеся царствования ("мое" на "наше" и т.п.). Однако учитывая неустойчивое положение Ивана Алексеевича, панегирист обращался главным образом к Петру и его матери. Лишь в "Изъявлении кратком меростихосложенном на венчание царскими венцы... Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича", написанном к торжествам коронации 25 июня, старший царь был поставлен на первое место[24].

О царевне Софье Алексеевне Истомин даже не упоминает, хотя "зазорное лицо" играло видную роль в политических событиях. Впрочем, в подобном умолчании придворный поэт был не одинок. Даже сторонник царевны князь В.В.Голицын и его сотрудник дьяк Е.И.Украинцев упоминают об участии Софьи Алексеевны в государственных делах в своих конфиденциальных письмах не ранее конца июля 1682 г.[25]. Только после того, как Софье удалось вывезти царскую семью из восставшей Москвы и жителям столицы во главе со стрельцами была противопоставлена огромная дворянская армия, не ранее середины сентября имя царевны появляется в государственных документах[26]. Но даже когда Софье Алексеевне и ее союзникам удалось "утишить" Московское восстание и двор торжественно вернулся в столицу, позиция правительницы во дворце оставалась весьма шаткой.

24 Богданов А.П. Памятники... № 1, 2, 5

25 Восстание в Москве 1682 года. Сборник документов. М., 1976. С. 46-48, 66-69.

26 Подробнее о признании власти Софьи Алексеевны см.: Богданов А.П. К вопросу об авторстве "Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве" // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 127-129.

"Стрельцы,- доносил королю датский посланник Гильдебранд фон Горн 28 ноября,- ... наконец подчинились приказу великих государей, неизвестно лишь, удалось ли этой мерой все уладить. Несогласия между вдовствующей царицей и старшей принцессой (Наталией Кирилловной и Софьей Алексеевной.- *А.Б.*) с каждым днем множатся, а оба государя, которых подстрекают мать и сестра, начинают посматривать друг на друга с неприязнью. Таким же образом разделились и бояре, причем большинство их, как и большинство молодого дворянства, склонилось к стороне Петра Алексеевича. Некоторые, впрочем, крепко держатся за старшего, как и большая часть плебса, хотя и скрытно, но, как чувствуется, основательно. И, безусловно, должно совершиться чудо Господне, чтобы в ближайшее время не стряслось здесь великого несчастья!"[27]

Между тем проницательный Карион Истомин 12 ноября уже поднес царевне Софье переработанную "Книгу, желательно приветство мудрости", признавая тем самым, что в отличие от весны и лета 1682 г. акции ее заметно возросли. Однако прося царевну убедить братьев-царей утвердить проект Академии, придворный поэт не сопроводил "Книгу" приличествующим панегириком адресату. Это упущение все более беспокоило Кариона Истомина по мере того, как правительница укрепляла свои политические позиции. Некоторое время спустя он подал царевне униженную просьбу вернуть сочинение на переделку.

28 июня 1683 г. новая (четвертая по счету) редакция "Книги, желательно приветство мудрости", вдвое увеличившаяся в объеме за счет похвал царевне, была поднесена Софье Алексеевне. Истомин признает, что она правит "имуще власть и во всем господство", "побеждая лести и злобу тиранства". Автор утверждает, что столь мудрая правительница "свыше Российску царству дарованна":

Россам дал Господь Софию царевну
Разум яко Пульхерию древню.

Комплименты придворного поэта основаны на признании допустимости участия *девы* в политической жизни (о чем свидетельствуют благотворные примеры царевен Пульхерии и Феодосии). Именно девство Софьи Алексеевны, позволяющее поэту сравнивать ее с сестрой Моисея Мариам, благочестивое девство, уподобляющее царевну невесте Христа (монахине), способствовало тому, что она удостоилась спасти "от напасти" Русскую православную церковь по

27 Богданов А.П., Возгрин В.Е. Московское восстание 1682 г. глазами датского посла // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 89.

примеру Деворы. Однако заслуги правительницы перед церковью и государством являются, главным образом, следствием ее *мудрости*.

Русский литератор конца XVII в. не мог пройти мимо столь очевидной именной ассоциации, как София - Мудрость, тем более, что всей своей "Книгой" просит царевну "о учении промысл сотворити, Мудрость в России святу вкоренити"[28]. Мудрость для Истомина свята и духовна, она вбирает в себя Святую Премудрость Воплощения и познание Спасения, духовное и светское знание и умение, в частности, государственное руководство. Именно в последнем проявилась освященная девством мудрость Софьи Алексеевны.

Мудрая царевна, по словам Истомина, смогла принимать спасительные решения во время разгула "злодеев", в условиях, которые были невыносимы и для мужчин[29]. Она испытала на себе плоды мудрости, когда добрыми речами усмиряла пламя Московского восстания и бунт староверов. Поистине, мудрость "хранит ее от всякой трудности!"- восклицал Карион; даже свирепые раскольники "против девы вещать не умели".

Нетрудно заметить, что хотя поэт постоянно воздает хвалу девству и памятует, что "начало премудрости есть страх Господен", главным образом он имеет в виду государственный разум, проявленный царевной в бурных событиях 1682 г., когда она

Буесть убо в злых добре укротила,
Мужемудренно (*так!*) в любовь единила".

Эта оговорка - "мужемудренно"- тем более заметна, что Истомин считал необходимым равно "учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам" (Предисловие к "Букварю"), просветитель отнюдь не уничижал женский разум. Однако в витийстве его похвал Софье Алексеевне нет и следа ассоциации с Софией Премудростью Божией, а тем паче какого-либо сходства с концепцией власти Премудрости, развитой применительно к земному царствию Медведевым.

Не священное и спасительное для России право премудрой царевны на власть имеет в виду Карион Истомин, говоря, что Софья Алексеевна дарована, возмутившемуся православному царству свыше, .а только то, что она является подходящей правительницей. Разницу в подходах Медведева и Истомина наглядно демонстрирует помещенный в "Книге" рисунок: Христос, благословляющий святую Софию (БАН, П.I.А.8, Л.2 об.).

28 Браиловский С.Н. К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя "Карион". С. 14-36 (цит. с. 16).

29 Ситуация в русской истории и самосознании далеко не новая.

Рядом с изображенной в левом верхнем углу листа фигурой Спасителя надпись, перефразирующая Исайю (**44**, 1): "Слыши дщи и вижди и преклони ухо твое". Сильно искаженный текст можно узнать благодаря ссылке на 44-ю главу, в которой Господь призывает Иакова и верный народ израилев не забывать его, не бояться и не страшиться, уповать на искупление и надеяться на процветание. В нижнем правом углу под фигурой св.Софии указано, что она "Треми украсихся и страх перед Господем: Верою, Надеждою, Любовию" (т.е. это именно София, мать св. Веры, Надежды и Любви). Святая на рисунке "говорит": "Господи, волею твоею подаждь доброте моей силу".

Итак, для самоотверженного сторонника премудрой царевны Сильвестра Медведева имя Софьи Алексеевны ассоциируется с Софией-Премудростью Божией, а для Кариона Истомина, личного секретаря патриарха Иоакима - со святой Софией. Два мыслителя и поэта, близких в жизни и литературе по духу, разошлись в толковании имени правительницы России не случайно. Мы убедимся в этом, прислушавшись к диалогу литераторов периода регентства царевны при братьях-государях Иване и Петре Алексеевиче.

⁂

Вслед за Карионом Истоминым святой Софии уподобляет Софью Алексеевну знаменитый южнорусский ученый и публицист, стойкий защитник православия, местоблюститель Киевского митрополичьего престола Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Новгород-Северский, издавший в 1683 г. книгу "Благодать и истинна"[30].

Один из столпов стилистики российской литературы барокко создал достойное своей репутации произведение, синтезировавшее "эмблематическую поэзию" большой гравюры in folio[31] с изящной риторикой книги in quarto. Сложно-аллегорическая гравюра зримо представляет образную аналогию Российского благословенного царствия, красноречиво раскрытую в литературном тексте.

"Благодать и истинна" доказывает, что благополучие и процветание России связаны с царствованием двух братьев, Ивана и Петра

30 Экземпляры этого редкого издания Черниговской типографии см.: РНБ, ОРК, инв.№ 1508; БАН, РК 36.11.17; БАН, РК 8.1.5; РГАДА, Церк. печать, № 1054; РГБ, Музей книги (далее - МК). В первых двух экземплярах сохранилась вкладная гравюра-конклюзия.

31 Гравер Иннокентий Щирский. Воспроизведение см.: Ровинский Д.А. Материалы для русской иконографии. Вып.1. № 3.

Алексеевичей, которых наставляет Христос и хранит Богородица. В аллегорической системе книги Лазаря Барановича немало текстов, ассоциированных представлением о Софии-Премудрости Божией и использованных в рацее Сильвестра Медведева, однако в отличие от московского коллеги архиепископ ни коим образом не связывает их с именем царевны Софьи.

В самом общем виде можно сказать, что имя царя Ивана Алексеевича, сопоставленного с Иоанном Предтечей, толкуется как "*благодать*", имя Петра Алексеевича - через его ангела апостола Петра - как "*истинна*"; вместе "*благодать и истинна Иисус Христом бысть*". Искусно обыгрывая Писание и Предание, Лазарь Баранович демонстрирует "коль добро и коль красно, еже жити и царствовать двум братиям вкупе". С включением политических реалий, в частности, борьбы с турецко-крымской экспансией, стихи, проза и изображение образуют композицию "*Да хвалятся царие земстии: Аще Господь и Госпожа с нами, никто же на ны*!"

Царевна Софья - св.София - принципиально отстранена от общей композиции. Ее образ не входит в представления автора о формальной структуре верховной власти в России, а в небесном отражении Российского царствия поставлен гораздо ниже аналогов братьев - Ивана и Петра. Впрочем, в заключительной аналогии - текстовой конклюзии - св.София вообще отсутствует. Вместо нее там представлен патриарх Иоаким с царицами Натальей Кирилловной Нарышкиной и Марфой Матвеевной Апраксиной (вдовой Федора Алексеевича); по небесным аналогам - Моисею и Иисусу Навину - архипастырь также значительно выше правительницы Софьи Алексеевны.

Лазарь Баранович не преминул подчеркнуть, что не видит формальных оснований регентства Софьи. "Божия Премудрость,- пишет он,- усмотре в царском дому Божию мудрость Софию, яже всегда горняя мудрствует, *а не земная*" (выделено мной - *А.Б.*) Между тем, композиция гравюры-конклюзии могла быть истолкована совершенно по иному, если допустить ассоциацию имени царевны с Премудростью Божией (от чего автор отрекается): по киевскому канону Премудрость представляется образом Богородицы - апокалипсической жены с орлиными крыльями, стоящей на месяце и окруженной сиянием,- именно этот образ является ключевым в гравюре и господствует над образами царей и всего царствия.

Лидер украинского духовенства совершил ошибку, отказавшись считать Софью Алексеевну чем-то большим, нежели временной советчицей братьям и заявив об этом не только в посланной в Москву книге, но и в письмах[32]. Укрепив свои позиции, регентша

пошла на союз с патриархом Иоакимом в деле уничтожения церковной автономии Киевской митрополии. Поставленный в Москве митрополит Гедеон Четвертинский не преминул учинить притеснения защитникам автономии во главе с Лазарем Барановичем; сам-то Гедеон называл Софью Алексеевну *"социрствующей"* царевной![33]

К этому времени (1686 г.) регентша открыто правила страной; имя Софьи Алексеевны писалось даже в царском титуле. Ученик Лазаря Барановича Иоанникий Галятовский попытался исправить ошибку учителя, посвятив книгу "благочестивой царевне русской и великой княжне московской"[34]. Уподобив царский дом небу, автор сравнил царей с солнцем, цариц - с месяцем, царевен - со звездами, заявив (не без некоторого смущения чувств), что "в дому пресветлых царей русских бывает затмение солнца и месяца".

Ученый литератор Иоанникий Галятовский не ограничил хвалы Софье Алексеевне этим двусмысленным заявлением. Он использовал множество примеров из римской истории и патристики, наконец, уподобил регентшу Премудрости Божией, наставляющей царей Иоанна и Петра. В том же 1686 г. Галятовский углубил это уподобление в изящной ученой книжице "Sophia madrosr", анализирующей тему *"Премудрость построила себе дом"*[35].

В столице Российского государства могущество регентши было еще более очевидно. Приехавшие в Москву с Востока ученые греки Иоанникий и Софроний Лихуды, обращаясь к Софье Алексеевне с панегирической речью на латыни, говорили уже о царской троице[36]. Они славили правосудие "qui te Reginam" ("во время твоего царствования") и другие замечательные качества Софьи Алексеевны, особенно ярко сияющие "в царях" ("in Regibus"), употребляя, впрочем, понятие принципата ("esse te principium") и обращаясь к царевне-императрице ("Imperatricis").

Очевидно, что Лихуды не могли разобраться в сложной московской титулатуре, хотя в тонкости использования классических правовых понятий им не откажешь. Не меньшие трудности возни-

32 Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865. Изд. 2-е. С. 227.

33 Лермонтова Е.Д.Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам. СПб., 1912. С. 428.

34 "Боги поганские, в болванах мешкаючии духове злыи". Чернигов, 1686. Экземпляры см. в МК РГБ, ОРК БАН, РНБ, ГИМ и др.

35 Чернигов, 1686. Микрофильм с экземпляра Краковского музея см. в МК РГБ, ф 7-65/453.

36 РГАДА, ф. 375, № 22. Опубл.: Лермонтова Е.Д. Похвальное слово Лихудов царевне Софье Алексеевне. М., 1910.

кали у братьев и с литературно-богословскими аналогиями. Похвальная ассоциация имени Софии Алексеевны с Софией-Премудростью Божией, с которой в первую очередь столкнулись приезжие, не могла быть сразу усвоена греками, ибо само понятие Софии-Премудрости своеобразно развивалось в последние столетия на русской почве.

Иоанникий и Софроний сравнивали регентшу с греческим прототипом киевской редакции Софии-Премудрости Божией: Богородицей Орантой - Нерушимой стеной[37]. Дары Святого Духа: правосудие, щедрость и т.п.,- превратились в речи Лихудов в нравственные добродетели, восходящие к "Этике" Аристотеля. Впрочем, ученые братья были не единственными панегиристами, заблудившимся в богословских и политических аналогиях.

В начале 1686 г. подьячий Новодевичьего монастыря Осип Титов вручил царевне Софье Алексеевне изготовленный им роскошный иллюминированный список книги "Звезда пресветлая" с дополнениями и панегирическим введением[38]. Выбор текстов в кодексе (связанных с Богородицей) мог бы навести Титова на мысль ассоциировать имя адресата с Софией-Премудростью в киевской иконографической редакции. Поднесли книгу правительнице дочери составителя - Вера, Надежда и Любовь, что должно было напомнить отцу-панегиристу о святой Софии Мудрости. Ничего этого не произошло.

Более того - Титов неожиданно отказался от именной аналогии, уподобив царей Ивана и Петра не Иоанну Предтече и апостолу Петру (как все другие авторы), а Моисею и Давиду! Рядом с ними в поднесенном регентше сочинении отведено было место патриарху Иоакиму, сопоставленному с Аароном. Сама Софья Алексеевна ассоциировалась у Осипа Титова с Деворой. По мнению автора, эти аналогии точно характеризовали соотношение властей в Российском православном царствии, которому Господь ниспослал "*два великия дара - священство глаголю и царство*".

Забота о защите "церкви и всего православного мира", освобождении порабощенного иноверцами "христолюбиваго народа христианскаго", "о целости чистыя веры и о благолепном церковном украшении"- главная задача царей и помогающей им царевны. Не удивительно, что владыка "мысленного Сиона"- церкви - оказывается выше земных царей, высится "над сими... яко второй Аарон".

37 См.: Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. СПб., 1914-1915. Т.1-2.
38 Богданов А.П. Памятники... № 9 (текст и комментарии).

Незадачливый панегирист, дерзнувший после печального опыта патриарха Никона вознести "священство" над "царством", был введен в заблуждение временным сближением правительства регентства с патриархом Иоакимом. После борьбы с раскольничьим бунтом летом 1682 г. Софья Алексеевна в 1685-1686 гг. вновь должна была действовать совместно с церковными властями в многосложной борьбе за подчинение Москве Киевской митрополии и православного духовенства на территории Речи Посполитой.

Потому, видимо, Осип Титов и осмелился предложить царевне Софье откровенное изложение своих взглядов, наивно рассчитывая встретить одобрение. Однако дворцовые расходные книги не свидетельствуют, что Осип был пожалован за свои немалые труды, в отличие от известного композитора Василия Титова, который в следующем году поднес правительнице изящную книжицу положенной им на ноты "Псалтыри рифмованной" Симеона Полоцкого"[39]. Благоразумный Василий ограничился кратким стихотворным посвящением книги одной "Премудрой Софии Алексеевне".

⁂

В 1687 г., в период наивысшего взлета царевны, спор между Мудростью и Премудростью в толковании ее имени все более склонялся к Премудрости. Поднося Софье Алексеевне 13 марта свою книгу "Боговидная любовь", Карион Истомин снабдил ее стихами к святой Софии с дочерьми, которые должны помогать тезоименитой царевне и защищать ее. В стихотворной же рацее, читавшейся учениками Заиконоспасского училища при вручении книги, поэт ассоциирует Софию Алексеевну с Премудростью Божией:

Имя бо дево мудрованно твое,
Сын Божий славит в тебе имя свое.

Это и понятно, раз придворный литератор признал, что "владычица зде Софиа царевна"- без упоминания о царях![40]

На следующий день выдающийся публицист, известный историк, композитор и поэт Игнатий Римский-Корсаков, архимандрит Новоспасский[41], вручил регентше книжный вариант своей пламен-

39 БАН, П.I.А.66. Посвящение на л.6.

40 Богданов А.П. Памятники... № 14 (текст и комментарии).

41 О нем см.: Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено...". Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. Гл.7; Богданов А.П. Первое ученое родословие в России: "Генеалогия" Игнатия Римского-Корсакова // Историческая генеалогия. Екатеринбург.

ной речи, произнесенной перед полками, ушедшими в Крымский поход[42]. Обещая православному воинству славную победу в жестокой войне с Турцией и Крымом, Игнатий, в частности, уповал на небесное заступничество Иоанна Предтечи, которому тезоименит царь Иван Алексеевич, и апостола Петра, ангела Петра Алексеевича.

Воистину, утверждал Римский-Корсаков, "*по подобию небеснаго царствия даде им Бог скиптр земнаго начальства: управляемо бо убо и хранимо Российское царствие мудростью неизреченныя Софии, еже есть Премудрости Слова Божия*". Софии-Премудрости тезоименита должным образом восхваленная автором царевна Софья Алексеевна. Именно она "имеет себе оную неизреченную **Софию** (еже есть Премудрость) Слово Божие, яко тезоименита, крепость, и утверждение, и избавителя - великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа".

Под таким управление и хранением Российское царство, обещал Игнатий, должно не только добиться победы и установить "глубокий и неотъемлемый мир", но и расшириться до пределов Вселенной[43]. Цари, сияющие, как солнце, вторил Игнатию проповедный глас воскресного слова Иоанникия и Софрония Лихудов 27 марта, разгромят мусульман, примут под свою державу престол Константинополя и окажутся "всея Вселенныя по достоянию самодержцы"[44]

А царевне Софье Алексеевне, говорили Лихуды, уже устроен на небесах венец и скипетр, ибо она утвердила "скиптры отеческия... в премудрости и мужестве". Не решаясь еще раз погрузиться в дебри малопонятного грекам российского богословия, Лихуды не толкуют имен, ограничившись сравнением регентши с Юдифью, Сусанной и Деворой. Они и без всяких аллегорий утверждают, что Софья Алексеевна "известнейший скипетр" своим братьям, что она руководит ими и государством "яко чадолюбивая мать", затмевая своей славой всех прежних правительниц в мире.

Похвалы регентше звучали крещендо, слившись в победную

Вып.1. С.16-22; он же. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб.6. С.165-248; ср.: Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогиа / Подгот. текста, статьи и аннот. указ. источников А.П.Богданова. М., 1994.

42 Богданов А.П. Памятники... № 15 (текст и комментарии).

43 Как молились в свое время Борис Годунов и патриарх Филарет Никитич, из чина поставления коего молитва о расширении Российского царства до концов Вселенной перешла в чины венчания царей Алексея, Федора, Ивана и Петра.

44 Богданов А.П. Памятники... № 17 (текст и комментарии).

симфонию к дню ангела Софьи Алексеевны 17 сентября. К этому дню было приурочено вручение правительнице книги Кариона Заулонского, по указу патриарха Иоакима проходившего обучение в Киево-Могилянской коллегии. В 1686 г., когда Карион лично приезжал в Москву, он еще не считал необходимым создавать панегирик регентше. Тогда он поднес патриарху Иоакиму свою книгу "Имя новое" с панегирическим введением, не упомянув имя Софьи Алексеевны даже в царском титуле[45].

В новой книге Карион Заулонский не скрывает, что год назад славил царей. Наоборот, он спешит сообщить, что "в мимошедшее" 1686-е лето писал об именах царей Ивана и Петра Алексеевичей; "Панегирис" Софье Алексеевне является как бы продолжением толкований имен ее братьев, завершая и венчая собой нарисованную автором картину "Московского царствия", в котором София-Премудрость неизмеримо возвышается над властью и подданными. Упоминание о прошлогоднем толковании имен царевниных братьев было необходимо, поскольку в тексте "Панегириса" осторожный Карион все же не осмеливается на прямое сопоставление Софьи с Иоанном и Петром. Впрочем, его позиция обозначена весьма четко.

"Панегирис или похвала,- написано в заглавии книги,- Украшение престола великоцарствующего града Москвы, или: *самодержавная власть* пресветлейшия великия государыни благородныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны"[46]. В отличие от Сильвестра Медведева, автор мог прямо прославлять государственную власть регентши, имя которой толковал как "Мудрость", но свои похвалы Карион Заулонский разворачивает с помощью тех же библейских текстов, относящихся к Софии-Премудрости Божией и позволяющих обосновать преимущественное право "богодухновенного лица" на власть.

В предисловии или вступлении к "Панегирису" автор развивает мысль, что "ничто же таково изобретается в сотворенных вещах, еже бы своего чинно не имело украшения"- будь то на небе, на земле, в отдельных царствах. *Мудрость* и *милость* царевны Софьи Алексеевны, приводящие всех в изумление - лучшее украшение престола Российского государства. Мудрость ее столь велика и неисповедима, что это качество, "в девственном составе - мужеское и *вящше*

45 ГИМ, Синодальное собр. № 471 (256). Введение опубликовано: Богданов А.П. Памятники... № 10.

46 БАН, П.1.А.3 (32.5.25). Текст опубликован: Брайловский С.Н. К вопросу о литературной деятельности... С. 40-58.

мужеского"[47], могло быть подано только "от небес".

В дальнейшем изложении Карион Заулонский не раз перекликается с Сильвестром Медведевым. Так, правительница в "Панегирисе" освещает Московский престол "светлостию лица своего", украшает его как качествами, так и делами. В первой части книги автор рассказывает, как украшает престол Москвы *имя* Софьи Алексеевны, толкуемое *Мудрость*, цитирует Сираха и другие библейские тексты и показывает, что Софья выше всех на престоле.

Во второй части панегирика повествуется "О украшении великоцарствующего града Москвы от различных *дарований* Духа Святаго, в пресветлейшей мудроименитой великой государыни... Софии Алексеевне изобретающихся". В третьей части книги автор сообщает о том, как украшается град Москва *делами* царевны Софьи - плодами Мудрости (то есть Софии-Премудрости Божией). Завершает книгу "Слово молитвенно вручательное к... Софии Алексеевне", в котором делается вывод, что раз Бог так прославил тезоименитую Мудрости царевну, то она самим Богом *избрана на царство*.

Такая оценка правительницы и в особенности признание ее права на царский престол были далеко не всеобщими. Например, ректор Киево-Могилянской коллегии, где учился Карион Заулонский, напечатал панегирик двум царям и Софье только в 1688 г. Хотя книга Варлаама Ясинского называлась "Три венца", в ней имелись в виду "венцы молитвенные", а не государственные. Более того, привычно толкуя имя царя Ивана как земной прообраз Иоанна Предтечи и сравнивая царя Петра с апостолом Петром, Ясинский видел небесный аналог царевны Софьи в "нижестоящей" по сравнению с ними святой Софии. Разумеется, автор хвалил Софью Алексеевну с должным усердием, но твердо отказывался ставить регентшу на одну доску с царями[48].

Именно общественное мнение заставило активных приверженцев царевны Софьи во главе с ее фаворитом Федором Леонтьевичем Шакловитым отложить планы коронации царевны, которые они хотели было осуществить в 1687 г. Сторонникам Софьи Алексеевны пришлось со всей серьезностью продумать меры по укреплению популярности ее правления в самых различных слоях общества.

47 Выделено мной. Это место должно было особо привлечь Линдси Хьюз, но увы! - не удостоилось ее внимания.

48 Варлаам Ясинский. Три венца. Киев, 1688. Экземпляр в МК РГБ.

История прихода Софьи Алексеевны к власти, написанная Сильвестром Медведевым при деятельной поддержке самого Шакловитого, с помощью множества документов прославляла заслуги премудрой царевны перед государством и церковью[49]. Идеи, выраженные еще в похвальной рацее 1682 г., были развиты Медведевым на конкретном историческом материале; книга переписывалась и распространялась[50]. Регентшу прославляли и словом, и делом.

Русское посольство получило от Шакловитого указание в кратчайший срок заключить мир с Цинской империей, не считаясь с территориальными потерями. Сама Софья Алексеевна стала непременно появляться вместе с царями на дворцовых церемониях и церковных торжествах[51]. Давая задание напечатать "книгу и лист (большого формата гравюру.- *А.Б.*) к похвале великой государыне", Шакловитый так определил ее заслуги: "Она-де, великая государыня, бунт утишила, и монастыри строит, и к людям милостива, и премудра"[52].

Зимой 1689 г. экземпляры написанной по этому заказу книги Иосифа Богдановского "Дары Духа Святаго"[53] были доставлены в Москву. Книга доказывала, что царям Ивану, Петру и царевне Софье, самодержцам российским, дарована "от Господа" держава и сила - *Премудрость* же посетила одну Софью Алексеевну и это высший дар Бога. Потому автор, видящий на московском престоле трех лиц в венцах, славить решил одну правительницу.

Иной весь век свой трудится, говорилось в книге, чтобы достигнуть малой части мудрости, а Софье с именем ее дана мудрость Духом Святым; она смолоду прославилась во всем государстве, с ней люди издавна связывают надежды на расширение Российского царства, возвышение славы христианской, покорение гордости по-

49 См.: Чистякова Е.В., Богданов А.П. "Да будет потомкам явлено..." Гл.8; Богданов А.П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С.84-98; он же. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. Гл.4; он же. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли "переходного времени". М., 1994. С.63-143.

50 Подробнее см.: Богданов А.П. К вопросу об авторстве "Созерцания ..."; он же. К истории текста "Созерцания краткого" // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983.

51 Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г.// Россия в период реформ Петра I. М., 1973; Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. М., 1940. Т.I. С. 70.

52 Подробнее см.: Богданов А.П. Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории. Сб. 1981 г. М., 1982.

53 Чернигов, 1688. Полный экземпляр: РГАДА, Церк.печать 2927.

ганской. Автор доказывает, что полученные царевной дары Духа Святого, дающие ей преимущественное право на владычество, были использованы премудрой правительницей сверх всяких ожиданий.

Мудрость Софьи Алексеевны проявилась в утишении мятежного народа; *разум* сказался в отправлении российских войск во главе с В.В.Голицыным на войну с турками и татарами; *совет* позволил вести успешную внешнюю политику и заключить Вечный мир с Речью Посполитой; *крепость* выразилась в укреплении православия, защите его от папской унии; *благочестие* проявилось в украшении церквей и монастырей; *ведение в законе Господнем* есть укрепление греко-российской веры против ереси и помощь патриарху Иоакиму; наконец, *страх Господень* - это многочисленные добродетели царевны.

При московском дворе было распространено всего около десяти экземпляров книги, зато суммировавший ее содержание большой офорт, изготовленный знаменитым гравером Леонтием Тарасевичем, был отпечатан по приказу Шакловитого в сотне экземпляров. Среди пышных аллегорических изображений на гравюре выделялись образы царей Ивана и Петра и царевны Софьи, на которую "изливались" дары Духа Святого, свидетельствуя, что она избрана и выделена Премудростью среди земных правителей.

Гравюра печаталась не только на бумаге, но также на атласе, тафте и других дорогих материях и раздавалась сторонникам Софьи при дворе, среди стрельцов и видных горожан. Однако ее символика не была достаточно понятна людям, не знакомым с ученой литературой барокко. Сам Шакловитый, прежде чем распорядиться печатать тираж, пришел к Сильвестру Медведеву удостовериться, "какая похвала написана великой государыне благоверной царевне?"

Медведев, взглянув на пробный оттиск, поразился, сколь откровенно поставлена Софья Алексеевна над царями "излиянием седми даров Духа Святаго" на нее одну. Но Шакловитому требовалась более открытая, доступная пропаганда притязаний правительницы на корону. По его указанию Медведев и Тарасевич создали новую большую гравюру-плакат, отпечатанный в Москве; сходный офорт был награвирован и издан в Амстердаме. По московской гравюре, говорил Шакловитый, "слава в Московском государстве; а по тем де листам, что напечатаны за морем, слава ей, великой государыне, и в иных государствах!"

На гравюрах был коронационный портрет Софьи Алексеевны - в полном царском облачении, со скипетром и державой в руках, с подписанием царского титула. На московской гравюре правительница вдобавок изображена на фоне государственного герба России

Таким образом смысл гравюр был сделан понятным для всех. Однако для обоснования такого прославления Софьи Алексеевны литератор и художник вновь обратились к семи столпам Премудрости.

Семь даров Святого Духа, семь добродетелей царевны изображены в медальонах вокруг портретов в виде аллегорических фигур с подписями: *Мудрость, девство, правосудие, кротость, благочестие, милость* и *крепость*. В стихах к портрету, напечатанному в Москве, Медведев уверял читателя, что Софья Алексеевна проявила эти дары на благо государства и церкви столь успешно, что превзошла всех знаменитейших правительниц в истории.

Однако в то время, когда обе гравюры (из Амстердама было прислано 100 экземпляров) распространялись в Москве, положение Софьи Алексеевны резко ухудшилось. Группировка, стоявшая за спиной Петра Алексеевича, рвалась к власти; число сторонников регентши таяло. Придворные панегиристы, и первым Карион Истомин, с зимы 1689 г. совершенно отвернулись от правительницы и бросились восхвалять ее соперников. К середине августа падение правительства регентства представлялось неизбежным.

*

В этих условиях нашелся человек, не только решившийся выступить с похвальным словом Софье Алексеевне, но давший ей наивысшую во всей литературе оценку. Это был Новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков - ближайший друг противника Софьи патриарха Иоакима, полемист, смело споривший с канцлером В.В.Голицыным по вопросам церковной политики, и в то же время горячий приверженец решительной борьбы с агрессией Турции и Крыма, которую вело правительство регентства.

Зная людей, окружавших молодого Петра, архимандрит родового монастыря Романовых хорошо понимал, что в случае свержения Софьи с наступлением России на юге будет, по крайней мере на время, покончено. Бескомпромиссный публицист пришел на помощь премудрой царевне, создав к дню Софии-Премудрости 15 августа "Свидетельство ко образу святыя неизреченные Софии-Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии"[54].

"Благословенно,- писал Игнатий,- царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, невидимое же и видимое". Невидимое царство открывает нам Бог Духом своим; душевный человек, не приемлющий Духа Божия - юродивый безумец. "Видимое же царство - Божи(е)ю

54 Богданов А.П. Памятники... № 32 (текст и комментарии).

милостию соблюдаемое царство християнское: Российское царство пресветлых и самодержавнейших государей наших... Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича и благоверныя сестры их.. Софии Алексиевны, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, Премудростию Слова Божия в тайне сокровеное".

Что за тайну являет Российское царство? - вопрошает Игнатий. Это божественное таинство - свидетельство о нем образа Софии Премудрости Слова Божия. Почему образ Софии Новгородской является свидетельством "о Московском Российском царствии"? - вновь спрашивает публицист, и отвечает: "по всему!"

Образом Софии-Премудрости Слова Божия новгородское духовенство с древних времен благословляло государей. Ныне этот образ является как бы зеркалом Российского царства, все его черты отображают благословенное самодержавие Ивана, Петра и Софьи,- утверждает Римский-Корсаков.

Центральная фигура иконы - сидящая на престоле София-Премудрость Слова Божия. Это ангел царевны Софьи Алексеевны, пророчество ее самодержавия. Царевна со своими братьями "держит скипетр самодержства и седит на престоле отеческом царствия своего Российскаго.., зане *по подобию небеснаго царствия даде им Бог скиптр земнаго начальства*".

Орлиные крылья Премудрости знаменуют молитвенное восхождение к Богу теток Софьи Алексеевны, царевен Анны и Татьяны Михайловны (бывших, как известно, опорой правительницы во дворце). Поддерживаемая, как крыльями, их молитвами, Софья Алексеевна "Российское царство с братиами своими великими государи сохраняет".

Семь столпов, на которых утверждается престол Премудрости, по уверению Игнатия обозначают крепкое заступничество правительницы за каноны православия, принятые семью вселенскими соборами. В руке София-Премудрость держит *свиток* - это напоминание о том, как царевна Софья Алексеевна защитила патриарха и все священство во время мятежа староверов в 1682 г.

Предстоящая Софии-Премудрости (Христу на престоле) *Богородица* молит Сына о всей царской семье и приносит "ко святым обителем" "боголюбивую любовь... Софии Алексеевны со благородными сестрами ея, благоверными царевнами"; образ Богородицы напоминает о сооружаемых их иждивением святых монастырях и церквях на земле Российской.

Предстоящий с другой стороны *Иоанн Предтеча* -"тезоименитый ангел есть благовернаго великаго государя нашего царя и великаго князя Иоанна Алексеевича, всеа Великия и Малыя и Белыя

России самодержца". А что же царь Петр? Ангела его - апостола Петра - не было среди предстоящих, однако Игнатий Римский-Корсаков не растерялся и весьма остроумно выразил свои политические пристрастия: апостола Петра на небе - и царя Петра на земле - символизирует *камень*, на котором утверждается престол Софии-Премудрости (в видимом царстве - царевны Софьи, читалось между строк)!

Шесть ангелов, восходящих к престолу Премудрости, "воистину явственно изображают" шестерых сестер Софьи, Ивана и Петра: Евдокию, Марфу, Екатерину, Марию, Феодосию и Наталию. Пребывая в девстве и благочестии, они "молят о своем государьском отеческом наследии, благочестивом христианском Российском царствии".

"Все их великое самодержавное царство" виделось Игнатию Римскому-Корсакову *облаком* вокруг Софии-Премудрости, "*звезды* же изобразуют царскаго их величества ближних боляр и весь царьский сигклит". Воздав хвалу армии, к которой воинственный проповедник был особо неравнодушен, он увидел ее на иконе в образе *сияния* Софии-Премудрости.

Описанное соответствие образа Софии Новгородской и отечественных властей, утверждает Игнатий, есть явное чувственное изображение "милости Божия на Московском Российском их великих государей царствии". Потому-то все обитатели Великой, Малой и Белой России, "врученнии самем небесным Царем им, великим государем", должны дружно возрадоваться "о таковом всебогатом даре, каково дарование в настоящее время Российскому государству их, великих государей, царствование!"

Древний образ Софии Новгородской в истолковании знаменитого публициста безусловно свидетельствовал о том, что царевна Софья Алексеевна по праву занимает высшее положение в Российском государстве, что именно такая расстановка политических сил в "видимом царстве" соответствует царствию небесному, открытому людям Святым Духом.

Ирония истории выражалась обстоятельством, что уподобление Софьи Алексеевны Софии Премудрости Игнатием Римским-Корсаковым, как и Сильвестром Медведевым, имевшими целью обосновать право царевны на высшую власть, относилось ко времени, когда реальная власть ее была весьма сомнительна.

Вскоре царевна Софья должна была оставить кормило государственного правления и удалиться в Новодевичий монастырь. Ее регентство кончилось, но посвященные правительнице произведения, разрабатывающие ассоциации, связанные с представлениями о Софии Премудрости Слова Божия, составили интересную страницу в истории русской духовной литературы и искусства

Усилия литераторов и художников оказали известное влияние на общественное сознание. По крайней мере аналогия Российского царства с образом Софии-Премудрости Слова Божия сделалась настолько явной, что к концу XVII в. в новгородский канон ее иконы пришлось добавить фигуру апостола Петра[55]. Ведь испытав на себе прелести царствования государя Петра Алексеевича, немало русских людей желало бы видеть его камнем под престолом царствования премудрой и милосердной царевны Софьи.

Не случайно стрельцы, в 1689 г. равнодушно следившие за свержением правительства регентства, уже в 1698 г. шли на Москву с мечтой о возвращении власти Софье и Голицыну. Не без основания писал много лет спустя видный деятель петровской эпохи князь Борис Иванович Куракин: "Правление царевны Софьи началось со всякою прилежностью, и правосудием, и ко удовольствию народному, *так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было* (выделено мной - *А.Б.*); и все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножились коммерция и ремесла, и науки почали быть латинского и греческого языку ... и торжествовала тогда вольность народная"[56].

55 Филимонов Г. София Премудрость Божия. С. 8.

56 Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А.Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 62. Это интереснейшее, по всеобщему мнению, мало используемое учеными произведение, в настоящее время вновь подготовлено к изданию. - *А.Б.*